

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Практически безраздельное и мало кем оспариваемое преобладание реалистической парадигмы в международно-политических исследованиях второй половины XX века с одной стороны дало возможность синхронизировать, как казалось, представления самых различных государств о сути международной политики, особенно после относительного поражения марксистского мировоззрения; с другой же – послужило непосредственной причиной тех значительных и неразрешимых в данных рамках теоретико-методологических затруднений, с которыми столкнулась политическая наука при попытках исследования международного терроризма.

Здесь мы попытаемся продемонстрировать, что, во-первых, при всем многообразии теорий международной политики, такого рода тупик был неизбежен; а, во-вторых, проблема выбора теории и метода исследования приобретает в современных отношениях критическую роль.

Трудно назвать то, что существовало в международной политической теории времен «холодной войны» организованным соперничеством. Связь между различными концепциями часто была условной, а их роль в практической политике – минимальной. И тем не менее, окончание «холодной войны» имело и научные, если можно так выразиться, последствия. Здесь нельзя не отметить того факта, что, по существу, между марксизмом и разновидностями политического реализма не так уж много принципиальных различий. Самое важное из них, по-видимому, заключается в том, что марксизм более нормативен, предписывая миру «быть таким, каким нужно». Марксисты изменяют мир, в международных отношениях – в сторону социального равенства как необходимого и достаточного условия для отсутствия конфликтов. Здесь марксисты близки к идеалистической риторике, но только здесь. Во всем остальном их видение международной политики вполне реалистично, что косвенно подтверждается и внешней политикой Советского Союза периода 1930-1980-х годов. Марксизм, как и реалистичные теории, является частью рационалистической философии, и в этом заключены причины их близости.

И, несмотря на это, окончание «холодной войны» рассматривалось многими в том числе и как «конец истории» «великих дебатов». В чем лежали причины такого оптимизма? По-видимому, в самом характере международных конфликтов. Будучи рефлексивной системой, конфликт сильно зависит во всех своих стадиях от представлений сторон о нем самом. То есть, в данном случае, субъективное знание становится частью объективной реальности. Концепция исследования, теория или метод и есть частью этого субъективного знания. Исход конфликта часто определяется схожестью или различием понимания сторонами его содержания. В этом могли убедиться СССР и США в период гонки ядерных вооружений и концепций его использования. В этой самой точке значение теории достигает своего максимума, и именно здесь мы подходим вплотную ко второму из наших утверждений: проблема выбора методологии исследования конфликта в широ-

ком смысле играет ключевую роль в самом его протекании. Особенно это заметно на примере международного терроризма.

Единое представление о конфликте играет ключевую роль в его протекании – в этом убеждены сторонники теории рационального выбора. Постулаты о схожей рациональности участников конфликта положены в основу теории сдерживания, теории ограниченных конфликтов и комплексной взаимозависимости. Проблема, однако, состоит в том, что такого рода условие возможно выполнить далеко не всегда – очень часто, когда речь не идет о политическом или физическом выживании, стороны по-разному оценивают свои приоритеты. В свое время это обстоятельство было исследовано в рамках теории игр; для нас же оно важно тем, что рационалистическая концепция в современных условиях теряет свои преимущества. Частично это вызвано, конечно, реальными процессами мировой политики: структура и иные системные параметры пост-биполярности существенно отличаются от предыдущих аналогов, стимулируя, вообще говоря, много- и разнообразие. Тем не менее, факт остается фактом, а из этого следует, что следование парадигме рационализма неизбежно приводило международную науку в тупик. Оно могло быть результативным только до тех пор, пока международным акторам было выгодно соблюдать схожий тип рациональности, по крайней мере в военно-политической сфере, ключевой для реалистического анализа. Сегодня же дополнительные возможности может предоставлять различие, а не схожесть.

Из различия проистекает международный терроризм – не как орудие великих держав, а как вполне самостоятельное явление. Международный терроризм, как и другие разновидности асимметрических стратегий, существует за счет эксплуатации иного типа рациональности. Это не значит, конечно, что для террориста рациональности нет вообще и он действует непредсказуемо. Просто его рациональность другая, причем это проявляется в области вполне конкретных интересов. Было бы очень опасно считать терроризм неким «ноуменом», не поддающимся пониманию.

Иной тип рациональности терроризма не мешает ему учитывать и сознательно использовать рациональность «традиционную», например, привлекая к себе внимание и тем самым усиливая эффект. И тем не менее, различие (асимметрия) в оценке ситуации террористами и их жертвами существует, иначе им всегда было бы выгоднее договориться. Это различие проявляется в оценке факторов времени, ценности жизни, скорости передачи информации, ценностей и т.п. В целом таким образом формируются комплексы различных оценок ситуации, из которых проистекают различные наборы стратегий.

Это не значит, что терроризм получает а priori какие-либо преимущества по сравнению с иными стратегиями. Точно так же террористический акт требует расчета и анализа соотношения выгод и рисков. Правда и первым и последним присваиваются совершенно иные значения.

В методологическом отношении такая ситуация сложна тем, что выдвигает самые высокие требования к используемой теории. Такая теория должна не только пояснить причины, последствия возникновения терроризма, а также комплекса сопутствующих факторов; она должна сделать это таким образом, чтобы террорист «не понял, что понят». Неудивительно, что реалистическая парадигма не справилась с этим заданием.

Однако, реалистическая парадигма и не ставила себе такой цели: в ее планы входило только лишь пояснение поведения унитарных суверенных держав, руководствующихся эгоистическими интересами. И здесь сразу же очевидны и иные пробелы, не позволяющие адекватно описывать терроризм в терминах реализма: центральность и суверенитет государства как участника международных отношений.

Теории, которая разом решала бы все вышеперечисленные трудности не существует, как не существует такого метода или даже методологического подхода. Проблемы с ис-

следованием международного терроризма возникают на самых высоких уровнях абстракции. Рационализм не справился с этой задачей, и был не в состоянии справиться изначально. Привлекательными могут показаться различного рода теории, объясняющие влияние неравномерного развития в мире, такие как теория мира-системы, неомарксизм, теория четвертого мира и т.д. Действительно, они позволяют частично дифференцировать стремления и угрозы для различных «подсистем», однако для использования их в исследовании терроризма необходимо предварительно ответить на вопрос о его причинах, причем ответить вполне определенно, что они – в неравномерном развитии. Это спорный ответ.

Даже в рамках широкого системного подхода нет однозначного ответа о природе терроризма. Неясно, например, то ли это системная функция, а значит и детерминированное структурой явление; то ли своего рода отклонение, флуктуация, т.е. случайное происшествие, вызвавшее такие масштабные последствия только в силу определенной предрасположенности структуры.

И тем не менее, комбинированное использование различных методов и методик позволяет если не объяснить полностью природу терроризма, то хотя бы раскрыть некоторые его элементы. Продолжение диверсификации теорий и плюрализации мнений кажется путем к научному осмыслению терроризма. Не станем утверждать, что иначе терроризм победить нельзя – вполне возможно, что можно, как и многое другое в истории международной политики. Однако, как и в отношении многого другого, научная «помощь» может оказаться опоздавшей.